

Жуй Бэйнянь извинился:

— Простите, у меня больше ничего нет.

Он знал, что всего было двадцать три рисунка, но на руках у него оказалось только девять. Он и не подозревал, что каждый из них — часть целого! Жуй Бэйнянь испытывал всё большее любопытство и волнение по отношению к тому ребёнку по имени Е Юйфань.

Выслушав его, Чун Шань с сожалением произнёс:

— Вот как... Очень жаль.

Он объяснил Жуй Бэйняню предполагаемый порядок сборки «пазла» и положил трубку. Гуань Хунцзэ спросил:

— Этот человек с фамилией Жуй?

Он слышал, как Чун Шань обращался к нему «господин Жуй», и предположил:

— Его зовут Жуй Бэйнянь?

Чун Шань подтвердил:

— Да. Ты его знаешь?

— О, так это он, — сказал Гуань Хунцзэ. — Я слышал об этом человеке.

Чун Шань с улыбкой спросил:

— А что в нём такого?

— Он специалист по психологии, ещё и гипнозом занимается, — ответил Гуань Хунцзэ. — Видел его в детстве. Пару раз поговорил со мной — и будто выудил все мои мысли. Я даже подумал, что он умеет читать minds. С тех пор каждый раз, когда его вижу, по спине мурашки бегут.

Чун Шань покачал головой:

— Да, такие люди пугают.

— Ещё как, — Гуань Хунцзэ пожал плечами, словно сожалея о чём-то. — Мой дядя Гуань Фэнмин перед ним вообще без секретов.

Чун Шань взглянул на разложенные на столе рисунки и произнёс задумчиво:

— Специалист по психологии...

Хм, в наше время много ли по-настоящему талантливых художников с абсолютно здоровой психикой?

Последующие несколько дней Жуй Бэйнянь провёл в мучительных раздумьях. Он метался, не решаясь спросить Чун Шаня о Ся Сяочуане, но боясь раскрыть лишнее. Его сердце было не на месте.

Ситуация прояснялась. В теле Е Юйфана действительно, судя по всему, существовала личность тридцатидвухлетнего художника. Поскольку их было двое, сочетание глубины и наивности становилось идеальным объяснением.

Но где доказательства? Разве что получить документы, подтверждающие личность «Ся Сяочуаня», его картины, какие-то материалы... Жуй Бэйнянь вдруг сообразил: а ведь если он спросит Чун Шаня о «Ся Сяочуане», это никак не раскроет самого существования Е Юйфана! Он сдался.

На следующий день Чун Шань получил от Жуй Бэйняня ещё одно письмо.

«Ся Сяочуань, родился в 1952 году?» — Чун Шань нахмурил брови, погрузившись в раздумья. Художник, ему сейчас около сорока восьми?

Он ответил: «Я не слышал о таком человеке. В нашей среде значительная часть художников — свободные творцы, есть и те, кто работает только под псевдонимами. Если он не получил широкой известности, его настоящее имя вряд ли будет на слуху. Но я поспрашиваю в своих кругах. Если что-то узнаю, сообщу вам».

После этого Чун Шань мельком записал имя «Ся Сяочуань» в свой карманный блокнот и отложил это дело в сторону.

У него и своих забот хватало: после Нового года предстояла церемония награждения конкурса креативного рисунка, нужно было представлять господина Гуаня в общении с Го Чжэкаем и Хэ Юэси. Одна мысль о возможной встрече с Гэ Циньчжоу уже вызывала у него головную боль.

Помимо головной боли, были и другие чувства — волнение, робость, напряжение, — которые он не хотел признавать даже перед собой.

Редко бывая на родине, Фу Тинсинь в компании своих братьев и сестёр успел посмотреть все фильмы, идущие в кинотеатрах, исходить все окрестные улицы и переулки, перепробовать все местные деликатесы и закупить целый чемодан всякой всячины... Кроме одного — он не рисовал.

На самом деле для остальных детей поколения семьи Фу рисование уже стало такой же привычкой, как еда и сон. Они ежедневно проводили несколько часов перед мольбертом, заставляя себя успокоиться, чтобы выводить линии и накладывать краску. Дети из художественных династий вовсе не были такими уж гениальными и блистательными, как могло казаться со стороны. Все, кто добился в семье Фу признания, прошли путь «одной картины на бумаге — десяти лет работы кистью»!

Но Фу Тинсинь был исключением.

Он был особенным. Он схватывал всё быстрее любого, был одарённее любого. И потому, достигнув уровня, который сам считал удовлетворительным, он потерял мотивацию раньше и радикальнее любого.

Закончив изучать традиционную китайскую живопись, Фу Тинсинь погрузился в жизнь, полную неопределённости. Он пробовал заниматься керамикой с тётёй, помогал отцу в проектировании небольших архитектурных форм — но всё это казалось ему неинтересным.

С нескольких месяцев назад он перестал рисовать совсем. Сначала родные встревожились не на шутку, боясь, что он забросит искусство. Особенно Фу Сянь, который, видя, как сын день за днём бездельничает, готов был взяться за ремень.

Но тогда глава семьи изрёк:

— Пусть играет.

Эти четыре слова имели огромный вес. Для Фу Тинсиня они стали чем-то вроде охранной грамоты. Все оставили его в покое, позволяя делать что угодно.

Однако, пожив некоторое время в полной свободе, он начал скучать. У него зачесались руки, захотелось снова взяться за кисть. Возможно, из духа противоречия, Фу Тинсинь стал подавлять в себе это желание, твёрдо решив не прикасаться к инструментам.

Когда он рисовал, ему часто бывало одиноко. Он мечтал, как его сверстники, носиться по улицам, болтаться где попало, учиться и развлекаться обычным образом. Он не хотел сидеть в мастерской с утра до вечера.

Но когда он пытался вырваться в тот внешний мир, то обнаруживал, что не может в него вписаться.

В Китае он видел многих своих ровесников. У них не было изысканного вкуса, некоторые их наряды выглядели даже нелепо — но они были полны жизни, счастливы и беззаботны.

Почему?

Он не понимал других. Он не понимал себя. Он начал размышлять о том, что для него значит рисование. Это был дар? Или долг, миссия, возложенная на него как на потомка семьи Фу? Большинство из того, что он создавал, было недоступно пониманию обычных людей. Неужели он вознёс своё чувство прекрасного на недостижимую высоту лишь для того, чтобы любоваться собой в одиночестве?

Не хочу больше рисовать.

Фу Тинсинь дал себе такую клятву.

До того дня, пока в куче выброшенных эскизов в коридоре он не увидел те самые линии.

Картина — это язык художника. Если писатели общаются с помощью слов, то художники, несомненно, ведут диалог через произведения искусства.

Фу Тинсинь проигнорировал все работы, отобранные для творческого конкурса, но подобрал эти несколько листов копировальной бумаги именно потому, что из сотни картин в выставочном зале он мгновенно понимал каждую. А эти, найденные в коридоре, казались ему загадочными.

Загадочность заключалась не в том, что автор просто малевал что попало, а в ощущении глубины, мастерства.

Для примера: если дать «Гуань Чжуй Бянь» Цянь Чжуншу человеку без какой-либо подготовки в области древнекитайской литературы, тот сочтёт текст бессмысленной тарабарщиной. Человек со средним уровнем знаний найдёт его трудным для понимания, но почувствует

глубину. А учёный-филолог, специализирующийся на древних текстах, признает его академическим шедевром, который хочется изучать и постигать.

Фу Тинсинь находился где-то между вторым и третьим. Мысль о том, что автор, возможно, был его ровесником (возраст участников конкурса ограничивался 14–18 годами), вызвала у него одновременно раздражение и волнение... Чувство, будто он нашёл родственную душу.

Фу Тинсинь заперся в своей комнате и снова достал те самые листы, уже изрядно помятые.

Кто был этот человек? Мужчина или женщина? Знает ли он или она, что не победил(а) в конкурсе? Сильно ли разочарован(а)? Неважно. Они тебя не понимают. А я понимаю. Я знаю, что ты потрясающ...

Он разглядывал листы, водил по ним пальцами. В его глазах светилось неосознанное им самим страстное желание — желание пообщаться с автором.

— На что смотришь? — неожиданный голос заставил Фу Тинсиня вздрогнуть.

Он обернулся и раздражённо буркнул:

— Почему не постучал?!

Вошедшим был его дядя, Фу Жунго.

— Стучал несколько раз, ты не слышал, — улыбнулся тот. — Что там такое интересное?

Он подошёл ближе и, увидев, что племянник разглядывает рисунки, рассмеялся. Его снисходительная и немного подтрунивающая улыбка заставила Фу Тинсиня покраснеть.

— Да так, просто смотрю! — Юношеская гордость и желание скрыть истинный интерес сделали его ответ особенно неуклюжим. Он ни за что не хотел, чтобы семья узнала, что в нём ещё теплится страсть к рисованию.

Фу Жунго потрепал его по голове и ласково сказал:

— Да ничего страшного. Смотри, если нравится. Мы же не будем заставлять тебя рисовать, если не хочешь, хе-хе-хе...

— ... — Фу Тинсинь почувствовал полное бессилие.

Фу Жунго взял из рук племянника листы, взглянул на них — и его лицо на мгновение изменилось. Затем он покачал головой:

— Поразительно похоже.

Фу Тинсинь спросил:

— На что похоже?

— На чей-то стиль, — с одобрением в голосе произнёс Фу Жунго. Он посмотрел на племянника.

— Это ты нарисовал?

— Нет! — Фу Тинсинь энергично покачал головой, любопытство разгоралось. — На чей стиль?

<http://bllate.org/book/16335/1474845>